

ГЕОРГИЙ
ПОЛОНСКИЙ

*Доживем
до понедельника*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Георгий Исидорович Полонский
Наталья Григорьевна Долинина
Доживем до понедельника
Серия «Азбука-классика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68873481

*Г. И. Полонский. Доживем до понедельника: ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“»; Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-389-22184-0*

Аннотация

Георгий Полонский (1939–2001) известен публике прежде всего как сценарист, создавший литературную основу знаменитых кинокартин «Доживем до понедельника» (1968), «Ключ без права передачи» (1972) и «Перевод с английского» (1972, в соавторстве с Н. Г. Долининой).

Образ Ильи Семеновича Мельникова (в фильме «Доживем до понедельника» его сыграл Вячеслав Тихонов) стал знаковым для многих поколений учителей и учеников. Мельников – не шаблонный «образцовый» педагог, а живой человек, который высокие требования предъявляет прежде всего самому себе. Да, ему бывает нелегко, порой он чувствует себя нелепым и уязвленным, срывается... Но он признает и за собой, и за школьниками право на чувства, сомнения, кризисы, он честен и

обладает безупречным нравственным чутьем, он понимает, где свет, а где – тьма. Нет ничего важнее, чтобы такой человек оказался рядом с подростком в моменты взросления, когда первые уроки преподает ему сама жизнь...

Содержание

Доживем до понедельника	6
Четверг	7
Пятница	31
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Георгий Полонский

Доживем до понедельника

© Г. И. Полонский (наследник), 1968, 1972

© Г. И. Полонский, Н. Г. Долинина (наследники), 1972

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Доживем до понедельника

*Куда-то все спешит надменная столица,
с которою давно мы перешли на «вы»...*

Все меньше мест в Москве,

Где помнят наши лица,

все больше мест в Москве,

где и без нас правы.

Булат Окуджава

Киноповесть о трех днях в одной школе

Четверг

Может быть, мы не заметили ту осень, которую любил Пушкин. Допустим, из-за ее застенчивой краткости в этом году.

А можно сказать категоричнее: такой осени не заслужили мы, вот Москва и не видела ее. Теперь уж не увидим – сразу, наверное, к «белым мухам» перейдем.

Факт налицо: не та осень! Всего лишь «облачная погода без прояснений», не более.

Только к утру перестал дождь.

Во дворе у серого четырехэтажного здания школы безлюдно – мокрые деревья да птичий крик...

Выбежали из этого здания два пацана без пальто. Поеживаясь и оглядываясь, закурили. Выступ небольшой каменной лестницы загораживает их от ветра и от возможных наблюдателей, но только с одной стороны.

А с противоположной – как раз идет человек. В очках. Сосредоточен на том, куда поставить ногу, чтобы не увязнуть в глине. В углу его рта – незажженная сигарета.

Мальчики нырнули обратно в помещение.

– Как думаешь, видел? – спросил один, щуплый, с мышинными зубками. Второй пожал плечами.

Потом тот человек вошел в вестибюль.

– Здравсте, Илья Семеныч, – сказали оба мальчугана. Щуп-

лый счел нужным объяснить их отсутствие на уроке:

– Нас за нянечкой послали, а ее нету...

– А спички есть? – спросил мужчина, вытирая ноги.

– Спички? Не... Мы же не курим.

Мужчина прошел в учительскую раздевалку.

– Надо было дать, – сказал второй мальчишка. – Он нормально спросил, как человек.

Щуплый со знанием жизни возразил:

– А кто его знает? С одной стороны – человек, с другой стороны – учитель... Пошли.

* * *

Под потолком летает обезумевшая, взъерошенная ворона. От воплей, от протянутых к ней рук, от ужаса перед облавой она мечется, ударяясь о плафоны, тяжело машет старыми крыльями, пробует закрепиться на выступе классной доски, роня перья... Там до нее легко дотянуться, и она перебирается выше, на портрет Ломоносова.

Молоденькая учительница английского языка ошеломлена и напугана ужасно. Сорвали урок!.. Совсем озверели от восторга, их теперь не унять, не перекричать... Весь авторитет – коту под хвост! Ее предупреждали: как начнешь – так и сложится на годы вперед... Проблема № 1 – правильно поставить себя, заявить определенный стиль отношений... Вот она и заявила!

– Швабру тащи, швабру!

– А почему она не каркает? Может, немая?

– Черевичкина, ты всегда завтраки таскаешь, давай сюда хлеб!

– Станет она есть, жди! Сперва пусть очухается!

– Наталья Сергеевна, а как по-английски ворона?

– Вспомнил про английский! Вот спасибо...

– Ну как, Наталья Сергеевна?

– А stow.

– Эй, кр-роу, крроу, кррроу!!!

– Тряпкой надо в нее! Дежурный, где тряпка?

– «Какие перышки! Какой носок! И верно, ангельский...»

– Ну знаешь классику, знаешь! Братцы, под лестницей белила стоят. Искупаем ее?

– Сдохнет.

– Крроу, крроу!

И все это выкрикивается почти одновременно, и в глазах Натальи Сергеевны рябит от этих вдохновенно-хулиганских, вспотевших, хохочущих лиц! Вот уже кто-то приволок швабру, отнимают ее друг у друга... Ворона сжимается, пятится, закрывая глаза...

– Хватит! Не смейте ее пугать, она живая! – вдруг кричит Наталья Сергеевна, которая другие совсем слова готовила: про потерянный человеческий облик, про вызов родителей, про строжайшие меры... У переростка Сыромятникова она силой отбирает швабру, сует ее девчонке:

– Дикари вы, да? Рита, унеси швабру!

Потом она встала на стул и в наступившей тишине потянулась к вороне:

– Не бойся, глупенькая. Ничего мы тебе не сделаем...

Восхищенно переглядываются ребята: новая англичаночка у них, оказывается, – что надо!

Одному из ребят возня с вороной наскучила. Это Генка Шестопал, парень с темными недобродушными глазами, с драмой короткого роста, со скандальной – заметим к слову – репутацией. Китель расстегнут, руки в карманах, движения какие-то нервно-пружинистые. Он вышел в пустой коридор вслед за девчонкой, которая вынесла туда швабру.

– Что бу-удет!.. – весело ужасаясь, сказала ему девочка про всю эту кутерьму.

Она была тоненькая, светлая, зеленоглазая, ее звали Рита Черкасова.

– А что будет? – меланхолически спросил Генка. – Будут метать икру, только и всего...

– А кто это сделал-то? Я и не заметила, откуда она вылетела.

– А зря. – Генка открыто разглядывал Риту. Другим девчонкам не под силу соперничать с ней, и она это знает, оттого и ведет себя с тем королевским достоинством, которому не приходится кричать о себе: имеющий глаза увидит и так...

– Зря не заметила. Ты член бюро, с тебя будут спрашивать...

Она дунула небрежно вверх, прогоняя падающую на глаза прядь волос, и хотела вернуться в класс, но Генка привалился спиной к двери.

– «Что за женщина, – тихонько пропел он, – увижу и неме-е-ею... Оттого-то, понимаешь, не гляжу...»

– Пусти, ну!

– Если это дело будет разбираться в верхах, – проговорил Генка бесстрастно, – можешь сказать, что ворону принес я.

– Ты?! Очень мило с твоей стороны, – поразились она. – Я жутко запустила английский, два раза отказывалась, а сегодня погорела бы точно.

– А моя ворона умница, она это учла, – глядя в потолок, намекнул Генка. – Ну ладно, иди, а то телохранитель твой заволнуется. – Это он произнес уже другим тоном, едким и мрачным.

– Из-за тебя? – Она смерила его взглядом и вернулась в класс. Генка вздохнул и пошел за ней.

...Наталья Сергеевна, все еще стоя на стуле, подумала вслух:

– Так она не пойдет на руки. Надо хлеба на книжку... Есть хлеб?

– А как же! Черевичкина! – Это крикнул Костя Батищев, красивый парень в таких джинсах, какие в конце шестидесятых могли достать и натянуть на себя немногие... Это его Генка назвал телохранителем Риты, и она действительно немедля оказалась рядом с ним. Они и за партой сидели

вместе. И вообще их роман законным образом цвел на глазах у всех.

Пышнотелая Черевичкина давно держала наготове полиэтиленовый мешочек с бутербродами. Не вынимая их оттуда, она отщипнула немножко.

– Вороне Главжиртрест послал кусочек сыра, – продекларировал Михейцев, большой энтузиаст нынешнего переполоха. Он вырвал у нее мешочек. – Не жмотничай, тебе фигуру надо беречь...

Класс продолжал ходить ходуном.

* * *

По коридору шагал Илья Семенович Мельников, учитель истории, – это его мы видели, когда он входил в школу. Худощавый лобастый человек. Сорок пять ему? Сорок восемь? Серебряный чубчик. Иронический рот и близорукость придают его облику некоторую надменность. Но стоит ему снять очки – выражение глаз станет беззащитным. Он чем-то на Грибоедова похож.

Мельникова остановил шум за дверью девятого «В». Пришлось заглянуть: с нового учебного года он был здесь классным руководителем.

То, что он увидел, было настоящим ЧП: класс радостно сходил с ума; учительница, явно забывшись, стояла на стуле; кольцом окружали ее ребята, ни один не сидел за партой;

все шесть плафонов на потолке угрожающе раскачивались; спасибо, что не все шесть – на полную амплитуду!

Мельников распахнул дверь и ждал не двигаясь. Просто глядел и вникал. Они застыли на местах. Мальчишки прекратили жевать конфискованные у Черевичкиной бутерброды.

Опустив голову, закрыв щеки и уши обеими руками, умирала от стыда и страха Наталья Сергеевна. Она даже со стула забыла слезть, до того оцепенела.

Мельников понял, что взрослых здесь не двое, как могло показаться, а он один.

Оглядываясь на него, ребята побрели к своим партам. Наталья Сергеевна, неловко натягивая подол, слезла со стула. Только теперь, когда все расступились, Мельников увидел ворону. Она, словно специально, чтобы обратить на себя его внимание, покинула ломоносовский портрет и села на шкаф для наглядных пособий. Многие приснули.

– Илья Семенович, понимаете... – краснея, начала Наталья Сергеевна, – я давала на доске новую лексику, было все хорошо, тихо... И вдруг – летит... Я не выяснила, кто ее принес, или, может быть, она сама...

– Сама, сама, что за вопрос! Погреться, – насмешливо перебил Мельников, глянув на закрытые окна. – А зачем передо мной оправдываться? Класс на редкость активен, у вас с ним полный контакт, всем весело, – зачем же я буду вмешиваться? Я не буду. – Он повернулся и вышел.

В классе приглушенно засмеялись, потом притихли – кто затаил азартное любопытство (теперь-то что она будет делать?!), кто – сочувствие (зря мы ее подставили... все-таки совсем еще девчонка).

– А правда, что вы у него учились? – спросил Генка, с интересом наблюдавший за ней.

Ответа не последовало. Прикусив губу, постояла в растерянности Наталья Сергеевна и вдруг выбежала вслед за Мельниковым. Догнала его в пустом коридоре.

– Илья Семенович!

– Да? – Он остановился.

– Зачем вы так? Илья Семеныч? Да, я виновата, я не справляюсь еще... Но вы могли бы помочь...

– В чем же? Если вам нужна их любовь – тогда дело в шляпе: они, похоже, без ума от вас... А если авторитет...

– А вам теперь любовь не нужна?

Мельников усмехнулся:

– Любовь зла. Не позволяйте им садиться себе на голову, дистанцию держите, дистанцию! Чтобы не плакать потом... А помочь не сумею: никогда не ловил ворон!

Почему у нее горят щеки под его взглядом? Почему она поворачивается, как солдатик, и почти бежит, чувствуя этот взгляд спиной?

В классе она, конечно, застала все то же бузотерство вокруг вороны. И – принялась держать дистанцию...

С такой холодной угрозой она им сказала: «Silence! Take

your places», что сели они сразу и молча уставились на нее с опасливым ожиданием. Она подошла к окну, открыла первую раму... Немного замешкалась, открывая вторую: шпингалет не поддавался.

– Выбросит! – вслух догадалась Рита Черкасова.

– Вспугнуть бы... – прошептал мечтательно чернявый Михейцев.

Англичанка стояла спиной: надо было успеть, пока она не обернулась. И, прицелившись, Костя Батищев сильно и точно запустил в ворону тряпкой. Но слишком сильно и слишком точно – так, что даже ахнули: мокрая и оттого тяжелая тряпка накрыла птицу, сбила ее и только упростила учительнице дело. Она взяла этот трепыхающийся ком – и выкинула.

Стало очень тихо. Наталья Сергеевна захлопнула окно и стала быстро-быстро перебирать и перелистывать на столе свои записи...

– А мне мама говорила, что птичек убивать нехорошо, – меланхолически сказал переросток Сыромятников.

– Без суда и следствия, – добавил Михейцев.

Не очень послушной рукой Наташа стала выписывать на доске лексику к новому тексту. Но класс не унимался.

– Наталья Сергеевна, ведь четвертый же этаж! В тряпке! Зачем вы так, Наталья Сергеевна! – волновались девочки.

Напрасно она пыталась вернуться к английскому, напрасно стучала по столу и повторяла:

– Stop talking! Silence, please!¹ – (Чужой язык раздражал их, пока не выяснили кое-чего на своем.)

Генка, ни слова не говоря, сердито-серьезно следил за событиями. Зато острил, розовый от злости и возбуждения, его соперник Костя Батищев:

– Гражданская панихида объявляется открытой... Покойница отдала жизнь делу народного образования.

– Батищев, shut up!² – грозно сказала учительница.

– А может, не разбилась? – предположил кто-то. – Я сбегаю погляжу, можно, Наталья Сергеевна? Я мигом, – вызвался Сыромятников и уже встал и пошел. – Я даже принести могу – живую или дохлую, хотите?

Наташа схватила его за рукав:

– Вернись!

– Ты не сюда, ты Илье Семеновичу принеси, – медленно, отчетливо произнесла Рита. – Пусть он видит, какие жертвы для него делаются...

Это оскорбило Наталью Сергеевну до слез, она задохнулась и скомандовала на двух языках:

– Черкасова, go out! Выйди вон!

Рита дунула вверх, прогоняя падающую на глаза прядь, переглянулась с Костей и неторопливо, с улыбкой, ушла.

Сыромятников – вслед за ней.

– Интересно, за что вы ее? – сузил глаза Костя. – Ребятки,

¹ Прекратите разговаривать! Тишина! (англ.)

² Замолчи! (англ.)

нам подменили учительницу! У нас была чудесная веселая девушка...

– Батищев, go out! Я вам не девушка! – выпалила Наталья Сергеевна под хохот мужской половины класса.

– Ну все равно – женщина, я извиняюсь, – широко улыбаясь, продолжал Костя. – И вдруг – Аракчеев в юбке.

– Думайте что хотите, но там, за дверью... Be quick!

В знак протеста мальчишки застучали ногами, загудели... У двери Костя посулил сострадательным тоном:

– Так вы скоро одна останетесь...

– Пожалуйста. Я никого не держу! – окончательно сорвалась учительница, бледная, как стенка, и отвернулась к доске, чтобы выписать там остаток новых слов...

Поднялся и пошел к двери Михейцев. И его сосед. И в солидарном молчании поднялось полкласса... а затем и весь класс. Уходя, Генка сказал:

– «И зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове...»

...Потемнело в глазах Натальи Сергеевны. Только слух различал, как еще одна группа встает, еще ряд пустеет... Когда она открыла глаза, в классе сидела только одна перепуганная толстая Черевичкина. Ужаснулась Наташа и снова закрыла глаза.

Уроки кончились, школа работала в тот год в одну смену. Жизнь, правда, превращала эту одну – минимум в полторы. Вот гнется над тетрадками словесница Светлана Михайловна, гуляет по страницам ее толстый синий карандаш. И это, считайте, покой еще, почти досуг... Вот она подняла голову, недоуменно прислушалась: музыка... Прекрасная и печальная музыка, совсем необычная для этих стен.

Светлана Михайловна заложила тетрадку карандашом и встала, любопытство повело ее наверх, в актовый зал... Она тихонько входит. В зале свет не горит и пусто. Нужно сперва освоиться с полумраком, чтобы увидеть: на сцене у рояля сидит Мельников и играет пустым стульям. При чахлом свете законного фонаря ему клавиатуры не видно наверняка – и не надо, выходит? Пальцы его сами знают все наизусть?

– Так вот кто этот таинственный романтик! – бархатисто засмеялась Светлана Михайловна.

Мельников вздрогнул, убрал руки с клавиш.

– Да нет, вы играйте, играйте, я с удовольствием вас послушаю. Я только мрака не люблю, я включу? – И зажглись все плафоны. – Вот! Совсем другое настроение... Это вы играли какую вещь?

Мельников вздохнул, но ответил:

– «Одинокий путешественник» Грига.

Помолчали.

– Да... – теперь уже вздохнула Светлана Михайловна. – Настоящую музыку понимают немногие...

Она сделала паузу, ожидая, что он подхватит ее мысль, но Мельников молчал, только пальцы его изредка задевали клавиши... Продолжить пришлось самой Светлане Михайловне:

– Я всегда твержу: нельзя нам замыкаться в скорлупе предмета. Надо брать шире, верно? Черпать и рядом, и подальше, и где только возможно! Всесторонне. И тогда личная жизнь у многих могла бы быть богаче... Если подумать хорошенько.

Мельников согласился вежливо:

– Если подумать – конечно.

– А кстати, почему вы не спешите домой? Не тянет?

Вопрос был задан значительно, но Мельников его упростил:

– Дождь.

– Дождь? – переспросила она недоверчиво. – Ну да, конечно.

Разговор клеился плохо.

– «В нашем городе дождь...» – негромко пропела Светлана Михайловна, умудренно, с печальной лаской глядя на Мельникова. – «Он идет днем и ночью...»

Одним пальцем он подыграл ей мелодию.

– «Слов моих ты не ждешь... Ла-ла-ла-ла...»

Вдруг все плафоны погасли. Мимо застекленной двери, за которой оставался последний из нормальных источников света, прошла нянечка с ведром. Возможно, это был с ее стороны намек: закругляйтесь, мол, с вашей лирикой...

– Я ведь пела когда-то, – поспешила заговорить Светлана Михайловна. – Было такое хобби! Когда я еще в Пензе работала, меня там, представьте, для областного радио записывали: «Забытые романсы»... И четырежды дали в эфир! Где-то и теперь та бобина пылится.

– Вот бы послушать, – сказал Мельников.

– Вы правда хотите? – встрепенулась Светлана Михайловна.

– А что? Допустим, на большой перемене? Школьный радиоузел не балует же нас ничем человеческим – а тут всех разом приобщил бы к романсам! Питательно же!

Это он пошутил? Холодноовато как-то. А может, и едко. Впрочем, она перестала понимать все его шуточки – безобидные они или обидные? Вот и сейчас, не разобрав толком, ужалил он ее или ободрить хотел, – потускнела Светлана Михайловна, сникла. От самой головоломки этой. Затем, преодолев минутную слабость, потребовала:

– Дайте мне сигарету.

Мельников дал сигарету, дал прикурить и спустился в зал. Сел там на один из стульев. Теперь они были разделены значительным пространством.

Светлана Михайловна жадно затянулась и затем спокойно

через весь зал сказала:

– Зря злитесь, зря расстраиваетесь... И зря играете «Одинокого пешехода».

– Путешественника, – поправил он. И зачем-то перевел на английский: – «Alone traveller».

– Вот-вот, – подхватила Светлана Михайловна. – Ничего ей не будет. Ее простят – и дирекция, и вы в первую очередь. Она же девочка, только начинает. Это мы с вами ничего не можем себе простить и позволить...

Закрыв глаза, Мельников откинулся на спинку стула.

Шумел за окнами дождь.

Светлана Михайловна подошла к Мельникову.

– Что с вами? – спросила она, страстно желая понять. – Почему вы стали таким?

– Каким? – Мельников спросил, не открывая глаз.

– Другим!

Он вдруг подмигнул ей и прочитал:

– Не властны мы в самих себе,
И в молодые наши леты
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть,
Всевидающей судьбе.

Как просто сказано, обратите внимание... как спокойно...
И – навсегда.

– Еще бы, – осторожно поддержала Светлана Михайлов-

на. – Классик.

– Кто?

Глаза ее устремились вверх, на лбу собралась гармошка морщин – ни дать ни взять, школьница у доски.

– Похоже на Некрасова. Нет?

Он покачал головой. Ему нравилось играть с ней, с учительницей литературы, в такие изнурительные для нее викторины.

– Тю... Не Тютчев?

– Холодно.

– Фет?

– Холодно. Это не из школьной программы.

– Сдаюсь...

– Баратынский.

– Ну, знаете! Никто не обязан помнить всех второстепенных авторов, – раздражилась вдруг Светлана Михайловна. – Баратынский!

– А его уже перевели, вы не слышали разве?

Она смотрела озадаченно.

– Перевели недавно, да. В первостепенные.

За что он ей мстит? За что?! И она сказала, платя ему той же монетой:

– Вы стали злым, безразличным и одиноким. Вы просто ушли в себя и развели там пессимизм! А вы ведь историк... Вам это неудобно с политической даже точки зрения.

Вот этого ей говорить не стоило! Мельников едко усмех-

нулся и отрезал:

– Я, Светлана Михайловна, сейчас даю историю до семнадцатого года. Так что политически тут все в порядке...

Он поднялся, чужой, холодно поблескивающий стеклами очков, в черном пальто, накинутом на плечи...

Она поняла, что его уже не вернешь, и мстительно спросила вслед:

– Вас, очевидно, заждалась ваша мама?

– Очевидно. До свидания.

Хлопнула дверь.

Сидит Светлана Михайловна в полутемном зале одна, слушает гулкие шаги, которые все дальше, все тише.

Черт бы подрал его с этими шуточками! Учитель не имеет права на них! Учитель – это же ясность сама, ему противопоказана двусмысленность... Разве не так?

* * *

Они встретились в булочной – учитель и ученик.

– Пять восемьдесят – в кондитерский, – сказал ученик кассирше. Он был интеллигентный, симпатичный – и почти совсем сухой, в то время как на улице наяривал ливень, отвесный, как стена.

– Двадцать две – хлеб, – сказал Мельников.

И тут парень, отошедший с чеком, заметил его:

– Илья Семенович!

– Виноват...

Дождь сделал непрозрачными мельниковские очки.

Пришлось их снять.

– Боря Рудницкий, если не ошибаюсь?

– Так точно! Вот это встреча!..

Дальнейшее происходило в кабине серой «Волги». Борис сидел с шофером, Мельников – сзади, засовывая хлеб в портфель.

– Ну вот... так-то веселей, чем мокнуть. Приказывайте, Илья Семенович, куда вам?

– Хотелось бы домой, на старый Арбат, там переулок...

– Отлично. Толик, слышал? – обратился Борис к шоферу; тот кивнул и дал газ. – Все там же живете, все там же работаете... – с тепловатой грустью не то спросил Мельникова, не то констатировал Борис.

– Да. Боря, а что означает сия машина? – В тоне Мельникова благожелательное удивление.

– Как что? – засмеялся Борис. – Простую вещь означает: что в моем департаменте о ценных кадрах заботятся лучше, чем у вас... Мне, например, уже тогда было обидно, что такой человек, как вы, распыляет себя в средней школе... месит грязь, рискует в гололед... Не только несправедливо, но и нерентабельно для общества! С гораздо более высоким КПД вас можно использовать...

Борис говорил это с тем особым дальновидным юмором, который амортизирует резкость любых суждений и не поз-

воляет придаться к ним...

– Расскажи о себе, – переключил его Мельников.

– А что я? Я в порядке, Илья Семенович, жалоб нет.

– Женат?

– Свободен. – Юмор Бориса утратил долю своей естественности. – Да, кстати, ведь там у вас обосновалась одна наша общая знакомая?.. Как она?

– Рано судить, – с заминкой ответил Мельников. – Есть свои трудности, но у кого их нет?

– Так ведь она обожает их, трудности! Настолько, что создает их искусственно. Себе-то ладно, это дело вкуса, но другим она их тоже создает...

Помолчали. Мельникову хотелось спросить, что значат эти слова, но его что-то удерживало.

Вдруг, разом потеряв свой «амортизирующий» юмор, бывший ученик повернулся к Мельникову и жарко заговорил:

– Ну ладно: вам я скажу, вам это даже надо знать! Представьте себе невесту, которая буквально у входа в загс бормочет: «Прости меня», швыряет цветы и бежит от тебя! Бежит, как черт от ладана... Красиво? Мало того, что меня опозорили, мало того, что у моего отца был сердечный приступ, так еще сорвалась моя командировка в Англию. На год командировочка! Сами знаете, как они любят посылать неженатых! Да еще в страны НАТО! Про свои чувства я уж и не говорю...

Летели в окнах дрожащие, обгоняющие друг друга огни...
Чтобы закруглить эту тему без надсады и зла, Борис сказал:
– А вообще-то все к лучшему. Знаете такую песенку:

В жизни всему уделяется место,
Рядом с добром уживается зло...
Если к другому уходит невеста,
То неизвестно, кому повезло!

Огни, огни... Лиц мы не видим.

– Или я не прав?

– Прав, Боря, прав... Здесь можно остановить?

– Так ведь еще не ваш переулочек... я ж помню его!

– А не важно, я дворами – короче... Спасибо. Мне еще
в аптеку...

– А вот и она, – сказал шофер Толик.

– Благодарю... Прав ты, Боря, в том, что мой КПД – он и
впрямь мог быть существенно выше...

Хлопнула дверца.

«Волга» сначала медленно, словно недоумевающая, сопровождала Мельникова, идущего по тротуару, а затем рванула вперед.

* * *

Он ел без всякого интереса к пище, наугад тыкая вилкой

и глядя в «Известия».

Его мать – старуха строгая, с породистым одутловатым лицом и умными глазами – сидела в кресле и смотрела, как он ест. Вздрагивающей ладонью она поглаживала по голове бронзовый бюстик какого-то древнего грека – Демосфена? Демокрита? Геродота? – словом, кого-то из них.

– Кто-нибудь звонил? – поинтересовался Мельников.

– Звонили... – Полина Андреевна не оживилась от вопроса.

– Кто же?

– Зрители.

– Кто-кто? – переспросил Мельников.

– Зрители кинотеатра «Художественный» – терпеливо объяснила мать. – Спрашивали, что идет, когда идет, когда бронь будут давать... У них 291–96, а у нас 241–96... вот и сцепились.

– Ну, это поправимо.

– А зачем поправлять? Не надо! Человеческие голоса услышу, сама язык развяжу... а то я уж людскую речь стала забывать!

Мельников засмеялся, покрутил головой:

– Мама! А если баню начнут спрашивать? Или Святейший Синод?

Старуха, не обратив внимания на эту издевку (над кем и над чем, спрашивается?), продолжала свое:

– Тебе не повезло. Тебе очень не повезло: в свои семьде-

сят шесть лет твоя мать еще не онемела... Она еще, старая гримза, хочет новости знать – о том о сем... Вот ведь незадача! Ей интересно, о чем сын думает, как работа у него, как дети слушаются... С ней бы, с чертовой перечницей, поговорить полчаса – так ей бы на неделю хватило... всё-ё бы жевала...

– Мама, но там не театр, там обычные будни. Я не знаю, что рассказывать, ей-богу... – Он честно попытался вспомнить. – Говорил я тебе, что к нам пришла работать Горелова? Моя ученица, помнишь, нет? Наташа Горелова, выпуск семилетней давности... Бывала она здесь...

Полина Андреевна просияла и повернулась к сыну всем корпусом:

– Ну как же. У нее роман был с этим...

– С Борей Рудницким. Ну вот тебе и все новости. – Мельников направился в свою комнату. – Нет, еще одна: сегодня ей сорвали урок...

Теперь он у себя.

Здесь властвуют книги. Верхние стеллажи – под самым потолком. Это не нынешние подписные собрания сочинений со знакомыми всем корешками, – нет, у этой библиотеки еще довоенный базис, старые издания – в большинстве.

На стене одна репродукция – с известной картины «Что есть истина?» Николая Ге. Диспут Понтия Пилата с Христом: для римского прокуратора Иудеи в слове «истина» – труха, но Сын Божий, хоть и близок к мукам Голгофы, а сло-

ва этого уступить не намерен...

Старенькое пианино с канделябрами, диван, рабочий стол. На столе, в сочетании, понятном одному хозяину, лежат том Шиллера, книжка из серии «Библиотека современной фантастики» и давно сделавшийся библиографической редкостью (а некогда еще и способный схлопотать своему владельцу беду!) журнал «Каторга и ссылка»...

Илья Семенович расслабил узел галстука, повалился на диван, взял одну из этих книг. Но нет, не читалось ему...

Глядя поверх страницы, он думал, курил и наконец, до чего-то додумавшись, резко поднялся, чтобы забрать от мамы к себе переносной телефонный аппарат. Когда он, путаясь в длинном перекрученном шнуре, направился к себе, Полина Андреевна весело окликнула его:

– Слушай, а привел бы ты ее к нам! Ведь будет же что вспомнить...

– Например?

– Ну как же. Например, как ты сам жаловался, что ее глазищи мешают тебе работать?.. Как уставятся молитвенно...

– Мама!

– Что? Или я сочиняю! Это что-нибудь да значило, а? Уж не знаю, куда глядел этот ее парень...

– Будет, мама, ты увлеклась, – перебил Мельников, рассерженно недоумевая (о чем это она?! что за бред!), и, потянув за собой телефонный шнур, ушел к себе, заперся.

– Нет, обязательно приведи! – в закрытую дверь сказала

Полина Андреевна. – Скажи, я пригласила...

Разговор этот, похоже, взбесил Мельникова.

Он лежал и смотрел на телефон, стоящий на полу, как на заклятого врага. Отвернется в книгу. Потом посмотрит опять... Пресек наконец сомнения, набрал номер.

– Алло? Алло? – неразборчивым клекотом ответила трубка.

Мельников, после нелепо долгой паузы, спросил:

– Скажите, что у вас сегодня?.. Это кинотеатр?.. Нет... Странно...

Он надавил ребром ладони на рычажки, стукнул себя чувствительно трубкой по лбу. Тот же номер набрал снова.

– Наталья Сергеевна, извините, это я пошутил по-дурацки... От неловкости – в нелепость! Мельников говорит... Дело вот в чем... Я видел, как вы уходили зареванная... Это вы напрасно, честное слово. Если из-за каждой ощипанной вороны...

Но трубка остудила его порыв какой-то короткой фразой.

– Ах, сами... Ну добро. Добро. Извините.

Он сидит с закрытыми глазами. Резко обозначена впадина на щеке.

Пятница

Первый утренний звонок в 8:20 дается для проверки общей готовности. На него не обращают внимания.

Учительская гудит от разговоров, легко подключая к ним вновь прибывших, тем более что темы поминутно меняются. Кто-то между делом спешит допроверить тетради: на них вечно не хватает времени...

– Вчера, представляете, просыпаюсь в час ночи не на своей подушке...

– Да что вы? Это интересно...

– Ну вас, Игорь Степанович!.. Просыпаюсь я головой на тетрадке, свет в глаза... проверяла, проверяла – и свалилась!

– Аллочка, имейте совесть! – так обращались время от времени к химичке Алле Борисовне, которая могла висеть на телефоне все внеурочное время. Она роняла в трубку какие-то междометия, томно поддакивала, скрывая предмет своего разговора, и это особенно злило учителей.

– Угу... Угу... Угу... – протяжно, в нос произносит Аллочка. – Угу... Кисленьких... Угу... Как всегда... Угу... Грамм двести – триста.

Светлана Михайловна говорила с Наташей грубовато-ласково:

– Ну что такое стряслось? Нет, ты плечами не пожимай, ты мне глаза покажи... Вот так. Не обижаешься, что я говорю

«ТЫ»?

– Нет, конечно.

– Еще бы! Здесь теперь твой дом – отсюда вышла, сюда и пришла, так что обособляться некрасиво...

– Я не обособляюсь.

– Вот и правильно! Раиса Пална, а вы что ищете?

– Транспортир – большой, деревянный.

– На шкафу...

Мельников говорил в углу со старичком-географом, который постоянно имел всклокоченный вид, оттого что его борода росла принципиально криво. Илья Семенович возвращал ему какую-то книгу и ругал ее:

– Это, знаете, литература для парикмахерской, пока сидишь в очереди. Он же не дал себе труда разобраться: почему его герой пришел к религии? И почему ушел от нее? Для кого-то это вопрос вопросов – для меня, к примеру... А здесь это эффектный ход!..

Старичок-географ смущенно моргал, словно сам был автором ругаемой книжки.

Мельников замолчал. До него донесся сетующий насморочный голос учительницы начальных классов:

– И все время на себя любят! Крохотули такие, а уже искокетничались все... Им говоришь: не ложите зеркальце в парту! Его вообще сюда таскать запрещается. – Ложат, будто не слышали... Вчера даже овальное, на ручке ложили – представляете?

– Послушайте... нельзя же так!

Говорившая обернулась и уставилась на Мельникова, как и все остальные. Чем это он рассержен так?

– Я вам, вам говорю. Вы учитель, черт возьми, или...

– Вы – мне? – опешила женщина.

– «Ложить» – нет такого глагола. То есть на рынке-то есть, а для нас с вами – нету! Голубушка, Таисия Николаевна, как не знать этого? Не бережете свой авторитет, так пощадите чужие уши!..

Его минутная ярость явно перекрывала повод к ней. Он и сам это почувствовал, отвернулся, уже жалея, что ввязался. Учительница начальных классов издала горлом булькающий сдавленный звук и быстро вышла... Светлана Михайловна – за ней:

– Таисия Николаевна! Ну зачем, золотко, так расстраиваться?..

Потом была пауза, а за ней – торопливая разноголосица:

– Время, товарищи, время!

– Товарищи, где шестой «А»?

– Шестой «А» смотрит на вас, уважаемая... – (речь шла о классном журнале).

– Лидия Иванна, ключ от физики у вас?

– Там открыто. Только я умоляю, чтобы ничего не трогали... Вчера мне чуть не сорвали лабораторную...

Светлана Михайловна вернулась взбудораженная, красная, сама не своя. Перекрыв все голоса, она объявила Мель-

никову:

– Вот, Илья Семенович, в чужом-то глазу мы и соломинку видим... Весь ваш класс не явился на занятия. В раздевалку они не сдали ни одного пальто, через минуту второй звонок, а их никто не видел... Поздравляю.

Стало тихо в учительской. У Ивана Антоновича, у географа, что-то с грохотом посыпалось из портфеля, куда он засовывал книжку. Оказывается, он яблоками отоварился спозаранок и – без пакета...

– Я так и знала, что без Анны Львовны что-нибудь случится, – добавила Светлана Михайловна, ища взглядом Мельникова и – странное дело! – не находя. Отгороженный столом, Илья Семенович сидел на корточках и помогал старику собрать его несчастные яблоки (на глаз можно было определить, что кислятина!). Они вдвоем возились там – «история с географией», а учителя саркастически улыбались.

– Чей у них должен быть урок? – спросил Мельников. Он показался без очков над столом.

– Мой, – объявила Наташа.

И ножка ее отфутболила к Мельникову запыленное яблоко.

* * *

Мельников осматривался, стоя без пальто у дверей школы. Двор был пуст. Кувыркались на ветру прелые листья, ка-

чались молоденькие оголенные деревья. С развевающимся шарфом Илья Семенович пошел вдоль здания.

С тыльной стороны пристраивали к школе мастерские. Там был строительный беспорядок, стабильный, привычный, а потому уже уютный: доска, например, водруженная на старую трубу из котельной, образовала качели, леса и стальные тросы применялись для разных гимнастических штук; любили также пожарную лестницу... Здесь можно было переждать какую-нибудь опасность, покурить, поговорить с девчонкой – словом, свой девятый «В» Мельников не случайно обнаружил именно здесь.

Его увидели.

Кто-то первый дал сигнал тревоги, кто-то рванулся «делать ноги», но был остановлен... До появления Мельникова они стояли и сидели на лесах группками, а теперь все сошлись, соединились, чтобы ожидаемая кара пришлась на всех вместе и ни на кого в частности...

Генка Шестопал наблюдал за событиями сверху, с пожарной лестницы; он там удобно устроился и оставался незамеченным.

Мельников разглядел всю компанию. Они стояли, разломаченные ветром, в распахнутых пальто... Портфели их сложены на лесах.

– Здравствуйте, – сказал Илья Семенович, испытывая неловкость и скуку от предстоящего объяснения.

– Здравсте... – Они старались не смотреть на него.

– Бастуем, следовательно?

Они молчали.

– Какие же лозунги?

Сыромятников выступил вперед. Если лидер – он, поздравить этих архаровцев не с чем...

– Мы, Илья Семенович, знаете, за что выступаем? За уважение прав личности!

И многие загудели одобрительно, хотя и посмеиваясь. Сыромятников округлил свои глазки, неплохо умеющие играть в наив. Столь глубокие формулировки удавались ему не часто, и он осмелел.

– Надо, Илья Семенович, англичаночку призвать к порядку. Грубит.

Поглядел Мельников на длинное обиженное лицо этого верзилы – и не выдержал, рассмеялся.

Костя Батищев перекинулся взглядом с Ритой и отодвинул Сыромятникова.

– Скажи, Батя, скажи... – зашептали ему.

Костя заговорил, не вынимая рук из косых карманов своей замечательной теплой куртки:

– Дело вот в чем. Сперва Наталья Сергеевна относилась к нам очень душевно...

– За это вы сорвали ей урок, – вставил Мельников.

– Разрешите я скажу свою мысль до конца, – самолюбиво возразил Костя.

– Прежде всего вернемся в помещение. Я вышел, как ви-

дите, без пальто, а у меня радикулит...

Ребята посмотрели на Костю; он покачивал головой; явно ощущал красивый этот парень свою власть и над ними и над этим стареющим продрогшим очкариком...

– А вы идите греться, Илья Семенович, – позволил Батищев с дружелюбным юмором. – Не рискуйте, зачем? А мы придем на следующий урок.

– Демидова, ты комсорг. Почему ж командует Батищев? – не глядя на Костю, спросил Мельников.

Маленькая Света Демидова ответила честным взором и признанием очевидного:

– Потому что у меня воля слабее.

– А еще потому, что комсорг – это рабочая аристократия, – веселым тонким голосом объявил Михейцев.

– Пошутили – и будет, – невыразительно уговаривал Мельников. И смотрел на свои заляпанные глиной ботинки.

– А мы не шутим, Илья Семенович, – солидно и дружелюбно возразил Костя. – Мы довольно серьезно настроены...

– А если серьезно... тогда получите историческую справку! – молодеющим от гнева голосом сказал учитель. – Когда-то русское общество было потрясено тем, что петрашевцев к «высшей мере» приговорили – кружок, где молодой Достоевский был... где всего лишь читали социалиста Фурье, а заодно и знаменитое Письмо Белинского к Гоголю. И за это – гражданский позор на площади... надлом шпаги над головой... потом на эту голову – мешок... и тут должен был

следовать расстрел! В последний миг заменили, слава богу, острогом.

...Или другое: из Орловского каторжного централа просочились мольбы заключенных о помощи: там применялись пытки...

В таких случаях ваши ровесники не являлись в классы. Бастовали. И называли это борьбой за права человеческой личности... Как Сыромятников.

Такая аналогия смутила ребят. Не сокрушила, нет, а именно смутила. До некоторой степени. А Мельникову показалось, что лекция его до абсурда неуместна здесь... что ребятам неловко за него!

– И что... помогали они? Ихние забастовки? – трусливо вобрал Сыромятников голову в плечи. Ответа не последовало.

– Предлагаю «не удлинять плохое», как говорили древние. Не слишком это порядочно – сводить счеты с женщиной, у которой сдали нервы. А? – Илья Семенович оглядел их всех еще раз и повернулся, чтобы уйти восвояси: аргументы он исчерпал, а если они не сработали, сцена становилась глупой.

Но тут он увидел бегущую сюда Наташу. Ребята насторожились, переглянулись: теперь учителей двое, они будут снимать стружку основательнее, злее... За ворону, за срыв уроков вчера и сегодня, за все...

Наталья Сергеевна была, как и Мельников, без пальто, но

не мерзла – от возбуждения. Блестя сухими глазами, она сказала легко, точно выдохнула:

– Я хочу сказать... Вы простите меня, ребята. Я была не права!

И – девятый «В» дрогнул: в школе тех лет нечасто слышали такое от учителей, не заведено было. Произошло замешательство.

– Да что вы, Наталья Сергеевна! – хором заговорили девочки, светлея и сконфуживаясь.

– Да что вы... – заворчали себе под нос мальчишки.

– Нет, вы тоже свинтусы порядочные, конечно, но и я виновата...

Срывающийся голос откуда-то сверху сказал взволнованно:

– Это я виноват! Ворона-то – моя...

Все задрали головы и увидели забытого наверху Генку. Он еще что-то пытался сказать, спускаясь с лестницы, но все потонуло во взрыве смеха по его адресу. Обрадовался разрядке девятый «В»!..

– А я на Сыромятникова подумала!

– Что вы, Наталья Сергеевна, я ж по крупному рогатому скоту!

...Мельников, стоя спиной к ним, завязывал шнурок на ботинке и горевал о том, что сполна избавиться теперь от жидкой глины, на обувь налипшей, получится только дома; а как в этом виде на уроки являться? Ветер трепал его шарф

и волосы. У него было такое чувство – неразумное, конечно, но противное, – будто вся компания смеется над ним. И Наташа тоже.

* * *

Потом урок английского шел своим чередом. Зная, что они похитили у Натальи Сергеевны уйму времени, ребята старались компенсировать это утроенным вниманием и активностью.

– What is the English for³... ехать верхом? – спрашивала звонко Наташа.

В приливе симпатии к ней поднимался лес рук. Все почему-то знали, как будет «ехать верхом»!

– To ride-rode-ridden! – бодро рапортовал Сыромятников. Даже он знал!

Но тут вошла в класс Светлана Михайловна. Все встали.

– Ах, все-таки пожаловали? – удивленно сказала она. – Извините, Наталья Сергеевна. Я подумала, что надо все-таки разобраться. В чем дело? Кому вы объявили бойкот? Садитесь, садитесь. Воспользовались тем, что завуч бюллетенит, что учительница молодая... так? – Она ходила по рядам. – Только не нужно скрывать. Никто не собирается пугать вас административными мерами. Я просто хочу, чтобы мы

³ Как по-английски сказать... (англ.)

откровенно, по-человечески поговорили: как это вас угораздило – не прийти на урок? Чья идея?

Молчит девятый «В» в досаде и унынии: опять двадцать пять!

– Так мы уже все выяснили! – сказал Батищев.

– Наталья Сергеевна сама знает, – подхватила Света Демидова.

– Да... у нас уже все в порядке, Светлана Михайловна, – подтвердила Наталья Сергеевна.

– О... Так у вас, значит, свои секреты, свои отношения... – Светлана Михайловна улыбалась ревниво. – Ну-ну. Не буду мешать.

По классу облегченный вздох прошелестел, когда она вышла.

* * *

Школьная нянечка, тетя Граня, выступала в роли гида: показывала исторический кабинет трем благоговейно притихшим первоклассникам.

– Вишь, как давно напечатано. – Она подвела их к застекленному стенду с фотокопиями «Колокола», «Искры» и пожелтевшим траурным номером «Правды» от 22 января 1924 года. – Ваших родителей, не только что вас, еще не было на свете... Вот ту газету читали тайно, за это царь сажал людей в тюрьму!

– Или в концлагерь, – компетентно добавил один из малышей.

– Ишь ты! Не, до этого уже после додумались... А ну, по чтению у кого пятерка?

– У него, – сказали в один голос две девочки, – у Скороговорова!

– Ну, Скороговоров, читай стишок.

Она показывала на изречение, исполненное плакатным пером:

Кто не видит вещим оком
Глуби трех тысячелетий,
Тот в невежестве глубоком
День за днем живет на свете.

(И. В. Гёте)

Шестилетний Скороговоров, красный от усилий и от общего внимания, громко прочел два слова, а дальше затруднился. Тут вошел Мельников.

– Это, Илья Семеныч, из первого «А» малышня, – спокойно ответила на его недоумение тетя Граня. – У них учительница вдруг заболела и ушла, а что им делать – не сказала. Вот мы и сделали посещение... А трогать ничего не трогали.

– Ну-ну, – неопределенно сказал Мельников и подошел к окну. Внезапно он понял что-то...

– А как зовут вашу учительницу? – спросил он у малышей.

– Таисия Николаевна! – ответил Скороговоров.

А одна из девочек сказала, переживая:

– На арифметике она все плакать хотела. А второго урока уже не было.

Мельников понял: да, та самая, которую он унизил за вульгарный глагол... «Ложат зеркало в парту»... Господи, а как надо было? Ясно одно: не так, как он. Иначе!

– Илья Семеныч, а вот как им объяснить, таким клопам, выражение «вещим оком»? Сама-то понимаю, а сказать...

Рассеянный, печальный, Мельников не сразу понял, чего от него хотят. Взгляд тети Грани приглашал к плакату.

– Ну, вещим – пророческим, значит. Сверхпроницательным...

Первоклассники смотрели на него, мигая.

– Спасибо вам. – Граня поджала губы и заторопила детей. – Пошли в химию, не будем мешаться...

* * *

...Эта комната фактически принадлежала ему, Мельникову. Ничего тут особенного: карты на стенах. Два-три изречения. Вместительный книжный шкаф – там сочинения Герцена, Ключевского, Соловьева, Тарле... Плюс избранное из классиков марксизма, конечно (Илья Семенович был в особом контакте с ранним Марксом, с молодым...). Доска тут – но не школьная, а лекционная, поменьше.

Илья Семенович провел пальцами по книжным кореш-

кам. Поднял с пола кнопку и пришил свисавший угол карты... Потом взял мелок и принялся рисовать на доске что-то несуразное.

Он оклеветал самого себя: сначала вышел нос с горбинкой, потом его оседлали очки, из-под них глянули колючие глаза... Вот очерк надменного рта, а сверху, на черепе, посажен белый чубчик, похожий на язык пламени...

Все преувеличено, все гротеск, а сходство схвачено, и еще как остро! Мельников подумал и туловище нарисовал... птичьё! Отошел, поглядел критически – и добавил кольцо, такое, как в клетке с попугаем. Теперь замысел прояснился: тов. Мельников – попугай.

Но Илья Семенович был недоволен. Туловище он стер и на сей раз несуетливыми, плавными штрихами любовно обратил себя в верблюда!

И опять ему показалось, что это не то... И не дилетантская техника рисунка смущала его, а существо дела: это шел «поиск себя»...

* * *

На доске были написаны темы:

1. Образ Катерины в драме Островского «Гроза».
2. Базаров и Рахметов (сравнительная характеристика).
3. Мое представление о счастье.

Девятый «В» писал сочинение.

Светлана Михайловна бесшумно ходила по рядам, заглядывала в работы, давала советы. Иногда ее спрашивали:

– А к «Счастью» эпитафия обязательно?

– Желательно.

– А выйти можно?

– Только поживей. Одна нога там, другая – тут...

Генка Шестопап вертелся и нервничал. У него было написано: «Счастье – это, по-моему...»

Определение не давалось.

Он глядел на Риту, на прядку, свисающую ей на глаза, на ожесточение, с которым Рита дула вверх, чтобы эту прядку прогнать, и встряхивала авторучкой, чтобы не кончались чернила... Генка смотрел на нее, и, в общем, идея счастья казалась ему ясной, как день, но на бумагу перенести ее было почему-то невозможно...

Да и стоит ли?

Светлана Михайловна остановилась перед ним:

– И долго мы будем вертеться?

Генка молчал, накупившись.

– Ну соберись, соберись! – бодро сказала учительница и взъерошила Генкины волосы. – Знаешь, почему не пишется? Потому что туман в голове, сумбур... Кто ясно мыслит, тот ясно излагает!..

...И снова рабочая тишина.

Была большая перемена.

Младшие ребята гоняли из конца в конец коридора, вклиниваясь в благопристойные ряды старшеклассников, то прячась за ними, то чуть не сбивая их с ног...

Школьный радиоузел вещал:

«...Вымпел за первое место по самообслуживанию среди восьмых классов получил восьмой „Б“, за дежурство по школе – восьмой „Г“. Второе и третье места поделили...»

Мельников стоял, соображая с усилием, куда ему надо идти. Подошла Наташа.

– Что с вами? У вас такое лицо...

– Какое?

– Чужое.

– Это для конспирации.

Наташа спросила, чтоб растормошить его:

– Да, мы не dospорили: так как насчет «дистанции», Илья Семеныч? Держать ее... или как?

Мельников ответил серьезно, не сразу:

– Не знаю. Я, Наталья Сергеевна, больше вам не учитель.

– Вижу! – огорченно и дерзко вырвалось у нее.

Помолчали.

– Где же наши? – Наташа оглядывалась и не находила никого из девятого «В».

– Пишут сочинение. У меня отобрали под это урок.

– Вам жалко?

– Жалко, что не два.

Слова были сухие и ломкие, как солома.

– Пойдемте посмотрим, – предложила Наташа, и Мельников пожал плечами, но пошел за ней к двери девятого «В» – по инерции, что ли...

Наташа заглянула в щель:

– «Мое представление о счастье»... Надо же! Нам Светлана Михайловна таких тем не давала, мы писали все больше про «типичных представителей»... А физиономии-то какие: серьезные, одухотворенные...

Слышит ли он ее? О чем думает?

– А Сыромятников списывает! – углядела Наташа. – Чужое счастье ворует...

– Это будет перед вами изо дня в день, налюбуетесь, – отозвался Мельников.

Гудела, бурлила, смеялась большая перемена. Ребячья толкотня напоминала «броуново движение», как его рисовали в учебнике Перышкина.

– Не понимаю, как они пишут такую тему, – вздохнула Наташа. – Это ж невозможно объяснить – счастье! Все равно что прикрепить к бумаге солнечный зайчик...

– Никаких зайчиков. Все напишут, что счастье в труде, в борьбе...

Он был сейчас похож на праздного, постороннего в школе

человека. Что это – позиция? Поза? Госка?

Открылась дверь, выглянула Светлана Михайловна. Дверью она отгородила от себя Наташу, видела одного Мельникова.

– Может быть, зайдете? – предлагает она. Но, перехватив его взгляд, оборачивается: ах вот что! Воркуете? Но нельзя ли подальше отсюда, здесь работа идет, сказал ее взгляд. Резко закрылась за ней дверь. Прозвенел звонок.

– У меня урок, – говорит Наташа.

– А я свободен, – с шалой усмешкой, с вызовом даже отвечает Мельников, словно он неприкаянный, но гордый люмпен, а она – уныло-старательный клерк.

И они разошлись.

* * *

Девятый «В» писал сочинение второй урок подряд, не разогнувшись и в перемену.

Молча протянула Светлане Михайловне свои листки Надя Огарышева, смуглая тихоня.

Генка взял себя в руки и дописал наконец первую фразу: «Счастье – это, по-моему, когда тебя понимают».

Когда он поднял голову, Светлана Михайловна растерянно глядела в сочинение Огарышевой.

– Надюша... золотце мое самоварное! Ты понимаешь, что ты понаписала, а? Ты себе отчет отдаешь? – Она сконфужен-

но, натянуто улыбалась, глядя то в листки, то на ученицу, а в глазах у нее была паника. – Я всегда за искренность, ты знаешь... потому и предложила вам такую тему! Но что это за мечты в твоём возрасте, ты раскинь мозгами-то...

– Я, Светлана Михайловна... думала... что вы... – Надя Огарышева стоит с искаженным лицом, наматывает на палец колечко волос и выпаливает наконец: – Я дура, Светлана Михайловна! Ой, какая же я дура...

– Это печально, но все-таки лучше, чем испорченность. – Светлана Михайловна говорила уже мягче: девочка и так себя казнит...

Класс с интересом следил за разговором, почти все оторвались от своей писанины.

– А чего ты написала, Надь? – простодушно спрашивает Черевичкина.

– Ну не хватало только зачитывать это вслух! – всплеснула руками Светлана Михайловна и строго окинула взглядом растревоженный класс: – В чем дело, друзья? Почему не работаем?

– А почему не прочесть? – напирал Михейцев. – А вдруг мы все, вроде Огарышевой, неправильно пишем?

– Успокойся, тебе такое в голову не придет...

Понятно, что такие слова только подогрели всеобщую любознательность... Даже сквозь смуглоту Надиной кожи проступила бледность. Она вдруг сказала:

– Отдайте мое сочинение, Светлана Михайловна.

– Вот правильно! Возьми и порви, я тебе разрешаю. И попробуй написать о Катерине, может быть, успеешь... И никогда больше не пиши такого, что тебе самой же будет стыдно прочесть!

– А мне не стыдно, Светлана Михайловна. Я прочту!

– Ты... соображаешь?! – всплеснула руками Светлана Михайловна. – В классе мальчики!

– Но если вам можно знать, то им и подавно, – объявила Рита.

Класс поддержал ее дружно и громко.

– Замолчите! Отдай листки, Огарышева!

– Не отдам, – твердо сказала Надя.

– Ну хорошо же... Пеняй на себя! Делайте что хотите! – обессилев, сказала Светлана Михайловна и, высоко подняв плечи, отошла в угол класса...

– Молчишь? Нет, теперь уж читай!

Повадился мельниковский класс срывать уроки! Сейчас это выражалось в демонстративном внимании, с каким они развесили уши...

Надя Огарышева читала крамольное сочинение срывающимся голосом, без интонаций:

– «...Если говорить о счастье, то искренно, чтобы шло не от головы. У нас многие стесняются написать про любовь, хотя про нее думает любая девчонка, даже самая несимпатичная, которая уже не надеется. А надеяться, по-моему, надо!...»

Тишина стояла такая, что даже Сыромятников, который скалился своей лошадиной улыбкой, вслух засмеяться не рисковал. Девчонки – те вообще открыли рты...

– «Я, например, хочу встретить такого человека, который любил бы детей, потому что без них женщина не может быть по-настоящему счастливой. Если не будет войны, я хотела бы иметь двоих мальчиков и двоих девочек...»

Сыромятников не удержался и свистнул в этом месте, за что получил книгой по голове от коротышки Светы Демидовой.

Надя продолжала, предварительно упрямо повторив:

– «...двоих мальчиков и двоих девочек! Тогда до конца жизни никто из них не почувствует себя одиноким, старшие будут оберегать маленьких, вот и будет в доме счастье.

Когда в последнее время я слышу плохие новости или чье-нибудь нытье, то думаю: но не закрываются же роддома, действуют, – значит, любовь случается, и нередко, а это значит, что грешно клеветать на жизнь, грешно и глупо! Вспоминается, как светилась от радости Наташа Ростова, когда она, непричесанная, в халате, забывшая о приличиях высшего света, выносит гостям пеленку – показать, что у маленького желудок наладился... Здесь Толстой влюблен в жизнь и в образ матери! Кстати, именно на этих страницах я поняла, что Толстой – окончательный гений!»

Светлане Михайловне демонстративно весело стало:

– Ну слава богу! А мы все нервничали: когда же Огары-

шева окончательно признает Толстого?!

А Надя пропустила издевку мимо ушей и сказала последнюю фразу:

– Я ничего не писала о труде. Но разве у матерей мало работы?

Класс молчал.

Надя стояла у своей второй парты с листками и глядела не на товарищей, а в окно, и все мотала на палец колечко волос...

– Ну и что? – громко и весело спросил учительницу Генка.

И весь девятый «В» подхватил, зашумел – облегченно и бурно:

– А действительно, ну и что? Чем это неправильно?

– Ну, знаете! – только и сумела сказать Светлана Михайловна. Куда-то подевались все ее аргументы... Она могла быть сколь угодно твердой до и после этой минуты, но сейчас, когда они все орали «ну и что?», Светлана Михайловна, вдруг утратив позицию, почувствовала себя ужасно, словно стояла в классе голая...

А Костя Батищев нашел, чем ее успокоить:

– Зря вы разволновались, Светлана Михайловна: она ведь собирается занять детей от законного мужа, от своего – не чужого!

– А ну хватит! – кричит Светлана Михайловна и ударяет изо всех сил ладонью по столу. – Край света, а не класс... Ни стыда ни совести!

Потом у нее наверняка болела ладонь...

* * *

Дверь кабинета истории приоткрыла немолодая женщина в платке и пальто, с пугливо-внимательным взглядом.

– Разрешите, Илья Семенович?

– Входите...

Женщина боком вошла, подала ему сухую негибкую руку:

– Здравствуйте...

– Напрасно вы ходите, товарищ Левикова, честное слово.

– Почему... напрасно? – Она присела и вынула платок. –

Я уж не просто так, я с работы отпрашиваюсь...

– Не плакать надо передо мной, а больше заниматься сыном.

– Но вчера-то, вчера-то вы его опять вызывали?

В дверь заглянула Наташа:

– Илья Семенович... Извините, вы заняты?

Он покосился и жестом предложил ей сесть, не ответив.

– Я только две минуточки! – жалобно обратилась родительница теперь уже к Наташе. Та смущенно посмотрела на Мельникова, села поодаль.

– Я говорю, вчера-то вы опять его вызывали...

– Вызывал, да. И он сообщил нам, что Герцен уехал за границу готовить Великую Октябрьскую революцию. Вместе с Марксом. Понимаете – Герцен! Это не укладывается ни в

одну отметку.

– Вова! – громко позвала женщина.

Вова, оказывается, был тут же, за дверью. Он вошел, морща нос и поводя белесыми глазами по сторонам. Левикова вдруг дала ему подзатыльник.

– Чего дерешься-то? – хрипло спросил Вова; он, конечно, ожидал этого, но попозже; он недопонял, почему сразу, уже на входе...

– Ступай домой, олух, – скорбно сказала ему мать. – Дома я тебе еще не такую революцию сделаю... И за границу...

– Это не метод! – горячо сказала Наташа, когда Вова вышел, почесываясь. Левикова поглядела на нее, скривила губы и не сказала ничего. Обратившись к Мельникову, ее лицо опять стало пугливо-внимательным. И все время был наготове носовой платок.

– Стало быть, как же, Илья Семенович? Нам ведь никак нельзя оставаться с единицей, я уже вам говорила... Ну выгонят его из Дома пионеров, из ансамбля этого... И куда он пойдет? Вот вы сами подумайте... Обратнo во двор? Хулиганить?

Мельников испугался, что она заплачет, и перебил, с закрытыми глазами откинувшись на спинку стула:

– Да не поставил я единицу! «Три» у него. «Три»... удовлетворительно...

– Вот спасибо-то! – встала, всплеснув руками, женщина.

– Да нельзя за это благодарить, стыдно! Вы мне лишний

раз напоминаете, что я лгу ради вас, – взмолился Илья Семенович.

– Не ради меня, нет... – начала было Левикова, но он опять ее перебил:

– Ну во всяком случае, не ради того, чтобы Вова плясал в этом ансамбле... Ему не ноги упражнять надо, а память и речь, и вы это знаете!

Уже стоя в дверях, Левикова снова посмотрела на Наташу, на ее ладный импортный костюмчик, и недобрый огонь засветился в ее взгляде. Она вдруг стала выкрикивать, сводя с кем-то старые и грозные счеты; такой страсти никак нельзя было в ней предположить по ее первоначальной пугливости:

– Память? Память – это верно, плохая... И речь... А вы бы спросили, почему это? Может, у него отец... потомственный алкоголик? Может, парень до полутора лет голову не держал, и все говорили, что не выживет? До сих пор во дворе доходягой дразнят!

Слезы сдавили ей горло, и она закрыла рот, устыдившись и испугавшись собственных слов.

– Извините. Не виноваты вы... И которая по русскому – тоже говорит: память... и по физике...

И Левикова вышла.

Молчание. Наташе показалось, что угрюмая работа мысли, которая читалась в глазах Мельникова, не приведет сейчас ни к чему хорошему. Поэтому с искусственной бодростью сказала:

– А я вот за этой партой сидела!..

Он озадаченно поглядел на стол, на нее...

– Извините меня, Наташа.

Он вышел из кабинета истории...

* * *

...и рванул дверь директорского кабинета.

Сыромятников, почему-то оказавшийся в приемной, ша-
рахнулся от него.

Директор, Николай Борисович, собирался уходить. Он
был уже в плаще и надевал шляпу, когда появился Мельни-
ков.

– Ты что хотел? – спросил директор, небрежно прибирая
на своем столе.

– Уйти в отпуск. – Мельников опустил на стул.

– Что? – Николай Борисович тоже сел – просто от нежи-
данности. – Как в отпуск? Когда?

– Сейчас.

– В начале года? Да что с тобой? – Николая Борисовича
даже развеселило такое чудачество.

– Я, видимо, нездоров...

– Печень? – сочувственно спросил директор.

– Печень не у меня. Это у географа, у Ивана Антонови-
ча...

– Прости. А у тебя что?

– Да так... общее состояние...

– Понимаю. Головокружения, упадок сил? Понимаю...

– Могу я писать заявление?

– Илья, а ты не хитришь? Может, диссертацию надумал кончать? – прищурился Николай Борисович.

Мельников покрутил головой.

– Это уже история...

– А зря. Я даже хотел тебе подсказать: сейчас для твоей темы самое время!

– Прекрасный отзыв о научной работе... и могучий стимул для занятий ею, – скривился Мельников и, отойдя к окну, стал смотреть во двор. Николай Борисович не обиделся, лишь втянул в себя воздух, словно заряжаясь новой порцией терпения: он знал, с кем имеет дело.

– Слушай, ты витамин бэ двенадцать не пробовал? Инъекции в мягкое место? Знаешь, моей Галке исключительно помогло. И клюкву – повышает гемоглобин! И печенку – не магазинную, а с базара...

– Мне нужен отпуск. Недели на три, на месяц. За свой счет.

– Это не разговор, Илья Семеныч! Ты словно первый день в школе... Для отпуска в середине года требуется причина настолько серьезная, что не дай тебе бог...

Директор снял шляпу и говорил сурово и озабоченно.

– А если у меня как раз настолько? Кто это может установить?

– Медицина, конечно.

Мельников повернулся к окну. Ему видны белая стена и скат крыши другого этажа; там прыгала ворона с коркой в клюве, выискивала место для трапезы... Вот зазевалась на миг, и эту корку у нее утащили из-под носа раскричавшиеся на радостях воробьи.

– Мамаша как поживает?

– Спасибо. Кошечку ищет.

– Что?

– Кошку, говорю, хочет завести. Где их достают, на Птичьем рынке?

Директор пожал плечами и всмотрелся в заострившийся профиль Мельникова.

– Да-а... Вид у тебя, прямо скажем, для рекламы о вреде табака... – И, поглядывая на него испытующе, добавил тихо: – А знаешь, я Таню встретил... Спрашивала о тебе. Она замужем и, судя по некоторым признакам, – удачно...

Мельников молчал.

– Слышишь, что говорю-то?

– Нет. Ты ведь меня не слышишь.

Николай Борисович помолчал и отвернулся от него. Они теперь – спинами друг к другу.

– А ты подумал, кем я тебя заменю? – рассердился Николай Борисович.

– Замени собой. Один факультет кончали.

Директор посмотрел на него саркастически:

– У меня же «эластичные взгляды», я легко перестраиваюсь, для меня «свежая газета – последнее слово науки»... Твои слова?

– Мои. – Мельников выдержал его взгляд.

– Видишь! А ты меня допускаешь преподавать, калечить юные души... Я, брат, не знал, куда прятаться от твоего благородного гнева, житья не было, – горько сказал Николай Борисович и продолжал серьезно, искренне: – Но я тебя всегда уважал и уважаю... Только любить тебя – трудно... Извини за прямоту. Да и сам ты мало ведь кого любил, а? Ты честность свою любил, холил ее, пылинки с нее сдувал... – как-то грустно закончил он.

– Ладно, не люби меня, но дай отпуск, – гнул свое Мельников.

– Не дам, – жестко отрезал директор. – На тахте – оно спокойней, конечно... И честность – под подушку, чтоб не запылелась!

– Про тахту – глупо: у меня бессонница. А что касается честности – да, она гигиены требует, ничего странного. Как зубы, скажем. Иначе – разрушается помаленьку и болит, ноет... Не ощущал?

– Что? Зубы-то? – запутался Николай Борисович. – Да нет, уже нет... Могу дать хорошего протезиста – надо?

– Ты подменил тему, Коля, – засмеялся Мельников. – Сплутовал!

– Слушай, отстань! Седой мужик, пора понимать: твоими

принципами не пообедает, не поправишь здоровья, не согреешься...

– Конечно. Это тебе не шашлык, не витамин бэ двенадцать, не грелка...

Мельников прошелся по кабинету, взял с полки какое-то пособие, полистал.

– Ты никогда не размышлял о великой роли бумаги?

– Бумаги?

– Да! Надо отдать ей должное: все выдерживает! Можно написать на ней: «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», а можно – кляuzu на соседа... Можно взять мою диссертацию, изъять один факт (один из ключевых, правда), изменить одну тракточку – и действительно окажется, что для нее «самое время»! Да ведь противно... Души-то у нас не бумажные, Коля! И уж во всяком случае, у ребят не должны они стать бумажными! – грохотал Мельников. – Вот учебник этого года! Этого!..

Николай Борисович поднял на него унылые глаза:

– Да чего ты петушишься? Кто с тобой спорит?

– Никто. Все согласны. Благодать!..

* * *

Светлана Михайловна сидела в учительской одна, как всегда склонившись над ученическими работами. Тихо вошла Наташа, сунула классный журнал в отведенную ему щель фа-

нерного шкафчика и присела на стул. Внимательно посмотрела на нее Светлана Михайловна. И сказала:

– Хочешь посмотреть, как меня сегодня порадовали? – Она перебросила на край стола листки сочинения...

Наташа прочитала и не смогла удержать восхищенной улыбки:

– Интересно!

– Еще бы, – с печальной язвительностью кивнула Светлана Михайловна: она ждала такой реакции. – Куда уж интересней: душевный стриптиз!

– Я так не думаю.

(Теперь-то уж никаких сомнений: это они работу Нади Огарышевой обсуждали...)

– И не надо! Разный у нас с тобой опыт, подходы разные... принципы... – словно бы согласилась Светлана Михайловна и усмешливо подытожила: – А цель одна...

Потом протянула еще один листок, где была та единственная, знакомая нам фраза («Счастье – это когда...»). И пока Наташа вникала в нее, ветеранша рассматривала свою бывшую ученицу со всевидящим женским пристрастием... А потом объявила:

– Счастливая ты, Наташа...

– Я? – Наташа усмехнулась печально. – О да... дальше некуда... Вы знаете...

– Знаю, девочка, – перебила Светлана Михайловна, словно испугавшись возможных ее откровений. И обе женщины

замолчали, обе отвели глаза. А потом с грубоватой простотой Светлана Михайловна такое сказала, что пришел Наташин черед испугаться:

– Только с ребеночком не затягивай, у учителей это всегда проблема. Эта скороспелка, – она взяла из Наташиных рук листочки Нади Огарышевой, – в общем-то, права, хотя не ее ума это дело.

Наташа смотрела на Светлану Михайловну растерянно, земля уходила у нее из-под ног...

– Да-да, – горько скривила губы та, – а то придется разбираться только в чужом счастье...

И стало видно вдруг, что у нее уже дряблая кожа на шее, и что недавно она плакала, и что признания эти оплачены такой ценой, о которой Наташа не имеет понятия...

– Тут оно у меня двадцати четырех сортов, на любой вкус, – показала Светлана Михайловна на сочинения. – Два Базарова, одна Катерина... А все остальное – о счастье...

Тихо было в учительской и пусто.

– Ты иди, – сказала Светлана Михайловна Наташе.

* * *

Люди, давно и близко знакомые, узнали бы невероятные вещи друг о друге, если бы могли... поменяться сновидениями!

Николаю Борисовичу, директору школы, часто снилось,

как в пятилетнем возрасте его покусали пчелы. Как бежал он от них, беззвучно вопя, а за ним гналась живая, яростная мочалка – почти такая же, как у Чуковского в «Мойдодыре», только ее составляли пчелы! Маленький директор бежал к маме, но попадал в свой взрослый кабинет... Там сидел весь педсовет, и вот, увидев зареванного, на глазах опухающего дошколенка, учителя начинали утешать его, дуть на укушенные места, совать апельсины и конфеты; они позвали школьную медсестру, та затеяла примочки, а Мельников будто бы говорил:

– Терпи, Коленька. Спартанцы еще и не такое терпели... Рассказать тебе про спартанского царя Леонида?

Не очень понятно, к чему это написалось... Не затем, во всяком случае, чтобы буквально снимать это все в кино! Тем более, что часто и справедливо сны советуют понимать наоборот. Вот и здесь перевертыш: хотя своих «пчел» и «укусов» хватало в жизни обоим, но в ту пятницу именно Мельников устал отбиваться от них. Без церемоний расхаживал он по этому начальственному кабинету, погруженный в себя и в свое раздражение. Не столько просил, сколько требовал помощи!

А директор, не умея помочь, просто маялся заодно с ним. Чем поможешь в такой туманной беде? Интеллигентская она какая-то, странная, ускользающая от определений... Многие припечатали бы: с жиру бесится! Подмывает издевательски цитировать «Гамлета» и «Горе от ума»! Но Илью так не

отрезвить: он легко подомнет Николая Борисовича на этом поле, выиграет по очкам. А попутно договорится до гораздо худшей, до реальной беды! Черт... Не толковать же с ним о спартанцах, в самом деле, об этих античных чемпионах выносливости?

Шляпа Николая Борисовича брошена на диван, а хозяин ее – с голодухи, видимо, – настроен сейчас элегически.

– Историк! – произнес он с едкой усмешкой. – Какой я историк? Я завхоз, Илья... Вот достану новое оборудование для мастерских – радуюсь. Кондиционеры выбью – горжусь! Иногда тоже так устанешь... Мало мы друг о друге думаем. Вот простая ведь: завтра – двадцать лет, как у нас работает Светлана Михайловна. Двадцать лет человек днюет и ночует здесь, вкалывает за себя и за других... Думаешь, почесался кто-нибудь, вспомнил?

– Ну так соберем по трешке... и купим ей... крокодила, – бесстрастно предложил Мельников.

– У тебя даже шутки принципиальные. И ты мне с этим юмором – надоел! – сказал Николай Борисович, возобновляя свое облачение, чтобы уйти, наконец.

– Вот и отлично... И дай мне отпуск.

– Не дам! – заорал директор.

– На три недели. А если нельзя – освобождай совсем, к чертовой матери!

– Ах, вот как ты заговорил... Куда ж ты пойдешь, интересно? Крыжовник выращивать? Мемуары писать?

– Пойду в музей. Экскурсоводом.

– А ты что думаешь, в музеях экспонаты не меняются?

Или трактовки?

– Я не думаю...

– Какого ж рожна...

– Там меня слушают случайные люди... Раз в жизни придут и уйдут. А здесь...

– Меня твои объяснения не устраивают!

– А учитель, который перестал быть учителем, тебя устраивает?!

– Ну-ну-ну... Как это перестал?

– Очень просто. Сеет «разумное, доброе, вечное», а вырастает белена с чертополохом.

– Так не бывает. Не то сеет, стало быть.

Мельников неожиданно согласился:

– Точно! Или вовсе не сеет, только делает вид, по инерции... А лукошко давно уж опустело...

– Ну, знаешь... Давай без аллегорий. Мура это все, Илюша. Кто же у нас учитель, если не ты? И кто же ты, если не учитель?

Мельников поднял на него измученные глаза и сказал тихо:

– Отпусти меня, Николай! Честное слово... а? Могут, в конце концов, быть личные причины?

И Николай Борисович сдался. Оттягивая узел галстука вниз, он выругался и крикнул:

– Пиши свое заявление... Ступай в отпуск, в музей... в цирк! Куда угодно...

Мельников, ссутулясь, вышел из кабинета – и увидел Наташу. Она сидела в маленькой полуприемной-полуканцелярии и ждала. Кого?

Вслед за Мельниковым, еще ничего не успевшим сказать, вышел директор.

– Вы ко мне?

– Нет.

Заинтригованный Николай Борисович перевел взгляд с Наташи на Мельникова и обратно. Как ни устал Эн Бэ от этих бурных прений, а все же отметил с удовольствием, что новая англичаночка, независимо даже от ее деловых качеств, украшает собой школу.

Всем почему-то стало неловко.

Эн Бэ вдруг достал из портфеля коробку шоколадных конфет, зубами (руки были заняты) развязал шелковый бантик на ней и галантно предложил:

– Угощайтесь.

Каждый из троих взял по конфете.

Директор еще постоял в некоторой задумчивости, покрутил головой и поведал Наташе:

– Честно говоря, жрать хочется! Всего доброго...

А Мельникову показал кулак и ушел.

– Пойдемте отсюда, – спокойно сказала Наташа и подала Илье Семеновичу его портфель, который она не забыла за-

хватить и с неловкостью прятала за спиной. Из школы вышли молча. Ему надо было собраться с мыслями, а она не спешила спрашивать, спасибо ей.

Во дворе Мельников глубоко втянул в себя воздух и вслух порадовался:

– А здорово, что нет дождя.

Под дворовой аркой они опять увидели Николая Борисовича, которого держал за пуговицу человек в макинтоше и с планшеткой – видимо, прораб. Он что-то напористо толковал про подводку газа и убеждал директора пойти куда-то, чтобы лично убедиться в его, прораба, правоте.

Мельников и Наташа прошли мимо них. Взглядом страждущим и завистливым проводил их Эн Бэ.

* * *

В этот час в школе задерживались после уроков несколько человек из девятого «В».

– Ребята, ну давайте же поговорим! – убеждала их изо всех сил комсорг Света Демидова. – Сыромятников, или выйди, или сядь по-человечески.

Сыромятников сидел на парте верхом и, отбивая ритм на днище перевернутого стула, исполнял припев подхваченной где-то песенки:

Бабка!

Добра ты, но стара.
Бабка!
В утиль тебе пора!
По науке строгой
Создан белый свет.
Бабка,
ну, ей-богу,
никакого Бога нет!

Костя Батищев и Рита тихонько смеялись на предпоследней парте у окна. Он достал из портфеля человечка, сделанного из диодов и триодов, и заставлял его потешать Риту.

Черевичкина ела свои бутерброды; Михейцев возился с протекающей авторучкой; Надя Огарышева и Генка сидели порознь, одинаково хмурые.

– Ну что, мне больше всех надо, что ли? – отчаивалась Света. – Сами же кричали, что скучно, что никакой работы не ведем... Ну, предлагайте!

– Записывай! – прокричал ей Костя. – Мероприятие первое: все идем к Надьке Огарышевой... на крестины!

Надя с ненавистью посмотрела на него, схватила в охапку свой портфельчик и выбежала.

– Взбесилась она, что ли... Шуток не понимает... – в тишине огорченно и недоумевающе сказал Костя.

– Ну зачем? – вступился за Надю Михейцев. – Человеку и так сегодня досталось зря...

– А пусть не лезет со своей откровенностью! – отрезал

Костя. – Мало ли что у кого за душой, – зачем это все выкладывать в сочинении? Счастье на отметку! Бред...

– А сам ты что написал? – спросил Генка угрюмо.

– Я-то? А я вообще не лез в эту тему, она мне до фонаря!

Я тихо-мирно писал про Базарова...

– По науке строгой
Создан белый свет.
Бабка,
Ну, ей-богу,
Никакого Бога нет! —

прицепилась эта песенка к Сыромятникову и не хотела отстать.

– Кончай, – сказал ему Генка. – Батищев прав: из-за этого сочинения одни получились дураками, другие – паскудами...

– Почему? – удивилась Черевичкина. – Чего ты ругаешься-то?

– Ну мы же не для этого собрались, Шестопал! – продолжала метаться Света Демидова. – Не для этого!

– Сядь, Света, – морщась, попросил Генка. – Ты хороший человек, но ты сядь... Я теперь все понял: кто писал искренне, как Надька, – оказался в дураках, об них будут ноги вытирать... Кто врал, работал по принципу У-два – тот ханжа, «редиска» и паскуда. Вот и все!

– Что значит У-два? – заинтересовалась Рита.

– Первое «у» – угадать, второе «у» – угодить... Когда чужие мысли, аккуратные цитатки, дома подготовленные, и пять баллов, считай, заработал... Есть у нас такие, Эллочка? – почему-то он повернулся к Черевичкиной, которая му-чительно покраснела:

– Я не знаю... Наверно...

– Что ж ты предлагаешь? – обеспокоенно спросила Света.

– Разойтись, – усмехнулся Генка. – Все уже ясно, все счастливы... – Видно было: с головой накрывала его печаль оттого, что к таким и только таким оценкам с неизбежностью подводила жизнь...

Черевичкина спрятала в полиэтиленовый мешочек недо-еденный бутерброд и стала собираться.

Михейцев был задумчив.

Костя тихонько уговаривал Риту идти с ним куда-то, она не то кокетничала, не то действительно не хотела, – слов не было слышно.

А Света Демидова вдруг объявила:

– Знаете что? Переизбирайте меня. Не хочу больше, не могу и не буду!.. Ну не знаю я сама, чего предлагать...

Сыромятников спел персонально припев про бабу: что, хотя она и добра, самое время ее – «в утиль»... А потом у него и для Риты с Костей нашлось что спеть; он выдал этот куплет (из той же, похоже, песенки), ласково следя за ними, за их переговорами:

Выйду я с милой гулять за околицу,
В поле запутаем след...
Мы согрешим, —
Ну а бабка помолится
Богу, которого нет.

– Самородок... – глядя сквозь него, сказала Рита.

* * *

Мельников и Наташа шли по улице. Она не поехала на своем автобусе, а он не пошел домой. Не наметив себе никакой цели, не отмерив регламента, они просто шли рядом, бессознательно минуя большие многолюдные магистрали, а в остальном им было все равно, куда идти.

Была пятница. Люди кончили работу. С погодой повезло: небо освободилось от тяжелых, низких туч, вышло предвечернее солнышко, чтобы скупо побаловать город, приунывший от дождей.

Может быть, не надо нам слышать, о чем говорили, гуляя, Наташа и Мельников? Не потому, что это нескромно, а потому, что это был тот случай, когда слова первостепенного значения не имеют. И есть вещи, догадываться о которых интереснее даже, чем узнавать впрямую. Скажем только, что идиллии не получалось, что для этого мельниковская манера общаться слишком изобиловала колючками... Трудный

он все-таки человек, для самого себя трудный... – думалось Наташе. Или это оттого, что сегодня – его черная пятница, когда

Видно, что-то случилось
С машиной, отмеривающей неудачи.
Что-то сломалось, —
Они посыпались на него так,
Как не сыпались никогда.

Скрытая камера – неподкупный свидетель.

Она расскажет о том, как эти двое не попали в ресторан с неизменной табличкой «Мест нет», и хорошо, что не попали: наличность в мельниковском бумажнике развернуться не позволяла, мог бы выйти конфуз... А потом они ели пирожки и яблоки во двореке бездействующей церкви. Оттуда их скоро прогнали, впрочем, четыре старухи, вечно мобилизованные на изгнание дьявола и одоление соблазна; не нашлось у двух учителей ясного ответа на бдительный и колючий их вопрос: «А вам тут чаво?»

Потом они шли по какому-то парку и шуршали прелыми листьями... Дошли до Наташиного дома; она показала ему свои окна на шестом этаже... И они уже попрощались, она вошла в подъезд, но бегом вернулась и, находясь под своими окнами, звонила из автоматной будки маме, чтоб та не волновалась и ждала ее не скоро.

А потом он повел ее к букинистическому магазину, воз-

ле которого, по старой традиции и вопреки милиции, колесил чернокнижный рынок. Здесь у Наташи зарябило в глазах от пестроты типов и страстей. А Мельников уверенно протолкался внутрь, в полуподвальный магазинчик; там главным продавцом был старый знакомый Мельникова – лысый, похожий на печального сатира, в профиль – еще и на больную птицу. Он спросил:

– О! Кто вам сказал, что сегодня я что-то имею для вас?

– Интуиция, Яков Давыдович, больше некому... И потом, давно не заглядывал... Как здоровье ваше?

– Мальчик, – не ответив, старик переключился на юного покупателя, который почти лег на прилавок, – ты слишком шумно и жадно дышишь. – Поднял перекладину. – Иди, смотри здесь...

– А можно?

– Я же говорю, ну! Так вот, дорогой товарищ Мельников. Как здоровье, вы спросили? Плохо, а что? На эту тему есть два анекдота, но я не хочу отвлекаться. Пробейте сорок шесть семьдесят, давайте мне чек, потом мы будем разговаривать...

– А книга, Яков Давыдыч? – засмеялся Мельников. – Раньше я хочу видеть книгу...

– Нет. – Он глазами показал; не та обстановка, чтобы демонстрировать такой товар. – Нет. Я лучше знаю, что я говорю. Сорок шесть семьдесят в кассу – и не будем один другого нервировать, я же весь день на ногах!

Илья Семенович переглянулся с Наташей. Стало понятно: о безусловной ценности идет речь, придется верить на слово... Вот только найдется ли у него эта сумма? Наташа успокоительно помахала своим портмоне и заняла очередь в кассу, а Мельникова этот букинист придержал:

– Минуточку! Это ваша жена?

– Нет, что вы...

– Еще нет или совсем нет? Я извиняюсь за мои вопросы, но такие девушки теперь – не на каждом углу...

– Факт, – охотно согласился Мельников и боком ретировался к кассе. – Значит, сорок шесть семьдесят?

...Потом он, счастливый, прижимал завернутую книгу к себе и тряс руку Якова Давыдовича (тот объявил, наконец, шепотом заговорщика, что это – эккермановские «Разговоры с Гёте»! «Academia», 1934 год!).

– Мне ее один писатель заказывал... большая шишка, между прочим. Но расхотелось звонить ему... Последний его роман – я не сужу, кто я такой, чтобы судить? Но, клянусь вам, приличные люди не позволяют себе такую туфту! Или – они уже неприличные... Я подумал: «Нет, Яша, ни Эккерман, ни тем более Гёте уходить в такие руки не хотят...» А тут – вы как раз, и – с такой девушкой. Она изумительно похожа на мою дочь! Всего хорошего вам, – обратился он к ней напрямик. – Заходите с товарищем Мельниковым...

Распрощались.

Но, чудной старик, он не дал им уйти просто так.

– Минуточку! Меня тут не будет с первого ноября. Но мы все утрясем: с понедельника будет Зиночка, это мой кадр, неплохо обученный; если я смогу ей вас показать, – она уже будет знать ваше лицо и оставлять что-то хорошее, что вас интересует...

– Спасибо. А вы, значит, на пенсию?

– Я – в больницу, дорогой. Вы что хотели? – обратился он к военному с чеком.

– Вон, желтенькую. «Бумеранг не возвращается».

– Ради бога. Вы хотите убить время? Вы его убьете. Завернуть?

– У вас что-нибудь серьезное, Яков Давыдович? – спросил Мельников, снова поймав его беспокойный птичий взгляд.

– Слушайте, семьдесят один год – это хороший отрезок времени? Да? Я тоже так думаю. – Он сердито отложил это число на счетах. – И довольно! – замахал он руками, не допуская возражений, и полез на стремянку доставать для одной дамы «Семью Тибо». Там, наверху, он оглянулся – еще раз посмотреть на Наташу:

– Ах! Чтобы такое сходство...

* * *

Ребята начали расходиться, но груз нерешенного, недосказанного словно не пускал домой, и они тащились по коридору медленно, неохотно отдирая от пола подошвы...

– Ге-ен! – позвал Костя Генку, который пошел не со всеми, а к лестнице другого крыла. – Гена-цвале!

Генка остановился. Рита и Костя подошли к нему.

– Ну чего ты так переживаешь? – спросила его Рита, ласково, как ему показалось.

– Не стоит, Ген, – поддержал ее Костя. – Теорию выеденного яйца не знаешь? Через нее и смотри на все, помогает.

– Попробую. – Генка хотел идти дальше, но Костя попридержал его:

– Слушай, пошли все ко мне. Я магнитофончик кончаю – поможешь монтировать. А?

– Не хочется.

– Накормлю! И найдется бутылка сухого. Думай.

– Нет, я домой.

– А я знаю, чего тебе хочется, – прищурился Костя.

– Ну?

– Чтоб я сейчас отчалил, а Ритка осталась с тобой. Угадал? – И, поняв по отвердению Генкиных скул, что угадал, Костя засмеялся, довольный. – Так это можно, мы люди не жадные, – правда, Рит?

Он испытующе глядел по очереди – то в Риткины, веселые и зеленые, то в темные недружелюбные Генкины глаза. На Риту напал приступ хохота – она так и заливалась:

– Генка, соглашайся, а то он раздумает!..

– Только, конечно, одно условие: в подъезды не заходить и грабки не распускать. Идет? Погуляете, поговорите... А

можете – в кино. Ну чего молчишь?

Генка стоял, кривил губы и наконец выдавил нелепый ответ:

– А у меня денег нет.

– И не надо, зачем? – удивилась Рита. – У меня трешка с мелочью.

– Нет. Я ему должен... за прокат. Сколько ты берешь в час, Костя? – медленно, зло и тихо проговорил Генка.

Рита задохнулась:

– Ну, знаешь! – и хлестанула его по лицу. – Сволочь! Псих... Не подходи лучше!

– Да-а... – протянул Костя Батищев ошеломленно. – За такие шутки это еще мало... В другой раз так клюв начистят... Лечиться тебе надо, Шестопал! У тебя, как у всех коротышек, большое самолюбие!

Слезы у Риты не брызнули, но покраснели лоб и нос, она дунула вверх, прогоняя светлую свою прядь, – и зацокала каблочками вниз по лестнице.

Генка, привалившись к стене, глядел в потолок.

– Ты, Геночка, удара держать не можешь. Так учись проигрывать – чтоб лица хотя бы не терять... А то ведь противно!

С брезгливой досадой Костя пнул ногой Генкин портфель, стоящий на полу. И припустился догонять Риту.

...Когда Генка шел не спеша в сторону спортзала, он обнаружил, что и Косте влетело теперь: Рита уединилась там, в

пустом неосвещенном зале, ее «телохранитель» пытался ее оттуда извлечь, рвал на себя дверь... Дверь-то поддалась, а Рита – нет:

– И ты хочешь по морде? Могу и тебе! – крикнула она в нешуточном гневе. И дверью перед его носом – хлоп!

Издали Костя поглядел на Генку, плюнул и ушел.

...Выключатель спортзала был снаружи. Генка после некоторого колебания зажег для Риты свет. Она выглянула и погасила – из принципа. Он зажег опять. Она опять погасила.

Настроение по обе стороны двери было одинаково невеселое. Рита придвинула к двери «козла», села на него для прочности, в полумраке напевая: «Я ехала домой... Я думала о вас... Печальна мысль моя и путалась, и рвалась...»

А потом она услышала вдруг стихи!

...От книги странствий я не ждал обмана,
Я верил, что в какой-нибудь главе
Он выступит навстречу из тумана,
Твой берег в невесомой синеве... —

читал ей с той стороны Генкин голос.

Но есть ошибка в курсе корабля!
С недавних пор я это ясно вижу:
Стремительно вращается Земля,
А мы с тобой не делаемся ближе...

Молчание.

– Еще... – сказала Рита тихо, но повелительно.

* * *

А Наташа и Мельников снова шли – уже среди вечерней толпы, на фоне освещенных витрин... Для большинства уже началась нерабочая суббота. А эти двое вели себя так, будто и у них выходной завтра. Очень основательно оттоптали ноги себе!

С другой стороны улицы радостно скандировали:

– На! – та! – ша!

Наташа оглянулась: у Театра оперетты стояли пятеро молодых, веселых, хорошо одетых людей. Две девушки, три парня.

Наташа, блестя глазами, извинилась перед Мельниковым:
– Я сейчас...

И перебежала на другую сторону.

Мельников стоял, курил, смотрел.

Наташа оживленно болтала с институтскими однокашниками. Хохот. Расспросы. Она со своими ответами тянула, была уклончива, а им не терпелось выдать два-три «блока информации» самого неотложного свойства. Кое-что касалось ее близко... (напрасно она делает старательно-отрешенное лицо при упоминании отдельных имен). А самое было

бы клевое – сманить Наташу с собой в один гостеприимный дом, где наверняка будет здорово, где ей будут рады, но есть помеха – «дед», седой неведомый им очкарик на противоположной стороне...

Остановился троллейбус и загородил Мельникова от Наташи.

Когда она, что-то объясняя друзьям, поворачивается в его сторону, троллейбуса уже нет, но нет и Мельникова.

Еще не веря, смотрит Наташа туда, где оставила его...

– Что случилось, Наташа? – спрашивает один из парней, заметив ее потухший взгляд, ее полуоткрытый рот...

* * *

В спортзале они теперь были вдвоем – Рита и Генка. Кажется, он уже прощен – благодаря стихам.

Рита соскочила с «козла».

– Ты стал лучше писать, – заключает она. – Более художественно. – И берет портфель. – Надо идти. Сейчас притащится кто-нибудь, раскричится...

– В школе нет никого.

– Совсем? Так не бывает, даже ночью кто-то есть.

Оба прислушались. Похоже, что и впрямь все ушли... Тихо. Нет, что-то крикнула одна нянечка другой – и опять тихо...

– А ты представь, что, кроме нас, никого... – сказал Ген-

ка, сидя на брусках: драма короткого роста всегда тянула его повыше...

Склонив голову на плечо и щурясь, Рита сказала:

– Пожалуйста, не надейся, что я угрелась и разомлела от твоих стихов!

– Я не надеюсь, – глухо пробубнил Генка. – Я не такой утопист! – Вдруг он покраснел и сформулировал такую гипотезу: – Стишки в твою честь – это ведь обещание только? Вроде аванса? После-то – духи будут из Парижа, чулочки, тряпки... может, и соболя! Только уже не от губошлепов – от настоящих поклонников? Но которых и благодарить надо... по-настоящему?

– За соболя-то! Еще бы! – Она хохотала. Веселила мрачная серьезность, с которой он все это прогнозировал! Он чуть ли не худел на глазах, воображая себе ту «наклонную плоскость», на которой она вот-вот окажется! Умора...

– Ты, кажется, пугаешь меня? Что-то страшное придется мне делать? Аморальное?! Чего и выговорить нельзя?! Мамочки... Или страх только в том, что все это – не с тобой?!

...Похоже, он оскорбил ее, недопонимая этого? Иначе – с чего бы ей отвечать сволочизмом таким? Да, видимо, несколько туманной была для него та «наклонная плоскость», оттого он и перегнул... Но вот ее тон уже не хлесткий, а вразумляющий:

– Мое дело, Геночка, предупредить: у нас с тобой никогда ничего не получится... Ты для меня инфантилен, наверное.

Маловат. Дело не в росте, не думай... нет, в целом как-то. Я такой в седьмом классе была, как ты сейчас!..

Внезапно Генка весь напрягся и объявил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.